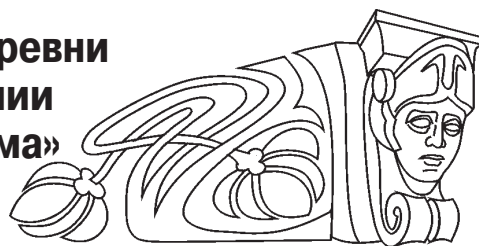

УДК 94(470.44)|1929|

Повседневная жизнь саратовской деревни в ходе хлебозаготовительной кампании 1929 г.: накануне «Великого перелома»

В. А. Котельников

Котельников Вадим Алексеевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kotelnikov_va_94@mail.ru

В статье исследуется повседневная жизнь крестьян Саратовского Поволжья накануне коллективизации, связанная с реализацией политики советского руководства на широкомасштабное «выкачивание» из деревни продовольственных ресурсов и «борьбу с кулаком». На основе архивных документов раскрываются направленность и содержание проводившихся в саратовской деревне репрессивных мер, которые, с одной стороны, были вызваны нехваткой продовольствия для обеспечения городов и армии, с другой – стали последствием созревшего в центральном руководстве СССР решения об ускоренном проведении коллективизации. Как показывает автор, стремительный переход к коллективизации был обусловлен не обострением классовой борьбы в деревне, а государственными экономическими установками, для реализации которых применялся административный нажим на все сферы жизни крестьянства. В итоге все государственные мероприятия, проводимые перед началом сплошной коллективизации, стали причиной тяжелых социально-экономических последствий для крестьян Саратовского Поволжья.

Ключевые слова: хлебозаготовки, крестьянство, раскулачивание, Саратовское Поволжье, социальные преобразования, история повседневности.

Daily Life During the Grain Campaign of 1929: on the Eve of the «Great Turning»

V. A. Kotelnikov

Vadim A. Kotelnikov, <https://orcid.org/0000-0003-0007-2699>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kotelnikov_va_94@mail.ru

The article explores the daily life of peasants of the Saratov Volga region on the eve of collectivization, associated with the implementation of the policy of the Soviet leadership on a large-scale “pumping out” food resources and “fighting the kulak” from the village. On the one hand, they were caused by a shortage of food for the cities and the army, on the other, they were the consequence of a ripening in the central government of the USSR decisions on accelerated collectivization. As the author shows, the rapid transition to collectivization was not due to the aggravation of the class struggle in the countryside, but to state economic installations, for the realization of which administrative pressure on all spheres of the peasantry's life occurred. As a result, all government measures held before the start of complete collectivization caused severe social and economic consequences for the peasants of the Saratov Volga region.

Keywords: grain procurement, peasantry, dispossession of kulaks, Saratov Volga region, social transformations, history of everyday life.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-115-118>

К концу 1920-х гг., чтобы остановить процесс кризиса хлебозаготовок, в связи с ухудшением социально-экономического положения в стране, в результате внутривластной дискуссии побеждает идея отказа от нэпа. И. В. Сталин и его окружение считали необходимым в кратчайшие сроки обобществить все средства сельскохозяйственного производства и поставить советскую деревню под жесткий административный контроль, окончательно покончив с дореволюционными пережитками¹. В своей основе данные преобразования преследовали главную цель – успешное изъятие из сельского хозяйства необходимых ресурсов на нужды индустриализации. В документах XV Съезда ВКП (б) в 1927 г. подчеркивалось, что переход индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные должен происходить в условиях глубоко продуманной социальной и экономической политики, заключавшейся в сплочении середняков и бедняков, создании простых и понятных условий перехода к коллективному труду².

Усиление хлебозаготовительной кампании весной – летом 1929 г. носило комплексный характер. Путем вторжения во все сферы повседневной жизни крестьянства социалистическое преобразование деревни сопровождалось натиском на традиционные институты деревни (социальные, экономические, религиозные). В предствлении большевиков старую крестьянскую жизнь нужно было рушить быстро и решительно, поскольку мелкотоварное индивидуальное крестьянское хозяйство себя изжило и не позволяло в должной мере обеспечить нужды государства, связанные с масштабным рывком индустриализации. Время на то, чтобы крестьяне сами осознали преимущество кооперации и создали ее в такой форме, которая была бы им приемлема у большевиков не было. Кроме того, им нужны были такие формы крестьянского производственного объединения, которые позволяли бы без особого труда изымать из деревни необходимое количество продовольствия.

В 1920-е гг. многие крестьяне сами, на добровольной основе вступали в колхозы, пользуясь преимуществами льготного налогообложения³. Присланный в Саратовский губком циркуляр Наркомторга об усилении хлебозаготовок от 23 декабря 1927 г. информировал: «Перелома хлебозаготовок в Вашем районе нет. Примите решительные меры к усилению хлебо-

заготовок, жесткому проведению в жизнь наших директив»⁴. Власть спешила и не считала необходимым учитывать интересы крестьянства. Сопротивление хлебозаготовительной кампании в глазах большевистских руководителей выглядело как намеренный саботаж, организованный кулачеством, стремившимся таким образом удушить советскую власть. Скорейшего выполнения поставленных задач, с их точки зрения, можно было добиться только путем «удушения» саботажника-кулака, что естественно придавало «борьбе за хлеб» ожесточенный характер.

А. А. Герман подчеркивает: «В рамках антикулацкой кампании летом 1929 г. по заданию Совнаркома РСФСР в Немреспублике было выявлено «кулацких хозяйств» около 1,4 %, что оказалось ниже установленной нормы 2,5 %. Поэтому кампания по раскулачиванию была продолжена, в результате местным органам предоставлялась широкая самостоятельность в решении данного вопроса, что не могло не привести к грубому произволу»⁵.

В связи с этим к ответственности стали привлекаться хозяйства с весьма сомнительной зажиточностью, подобная деятельность приобретала все больший размах. Так, например, в с. Орлов Гай Ершовского района широко применялись методы подворных обысков не только в кулацко-зажиточных хозяйствах, но и в середняцких и даже бедняцких⁶.

Многочисленные общественные советы и особоуполномоченные должны были стать проводниками осуществляемой политики и налаживания хода хлебозаготовок в сфере сельского хозяйства. Для успешного разрешения накопившихся проблем в общественных настроениях советской деревни специальным изучением умонастроений граждан занимались различные государственные и общественные организации, но главными контролирующими структурами были партийные органы, а также подразделения внутренней и государственной безопасности (милиция, ОГПУ).

Пожалуй, наиболее ценными для реконструкции повседневной жизни крестьянства в условиях проведения хлебозаготовок являются материалы органов государственной безопасности – докладные записки о настроениях населения и всевозможные спецсводки. В 1920-е гг. органы ОГПУ регулярно информировали ЦК ВКП (б) об общественных настроениях⁷.

Сложившаяся напряженная обстановка в сельском хозяйстве конца 1920-х гг. свидетельствует, насколько активно общество готово было бороться за свое имущество, права, религию. Не случайно именно в это время появился циркуляр Наркомюста от 8 января 1929 г. № 4/СС и был разослан во все края, области, губернии – окружным прокурорам и председателям судов о принятии самых решительных мер борьбы с террористическими выступлениями. В циркуляре уточнялось, что «под террором следует понимать

не только убийства, ранения советских, общественных и партийных работников в деревне, но и случаи поджогов и других видов истребления имущества, побоев, насилий, происходящих на почве классово-борьбы вследствие общественной деятельности этих работников»⁸.

Анализ докладных записок и информационных писем уполномоченных Нижне-Волжского крайкома ВКП (б) за январь–декабрь 1929 г. продемонстрировал, что поход партии за хлебом в весенне-летнюю кампанию имел трагические последствия. Причиной послужили кабальные нормы сдачи хлеба, которые спровоцировали вспышки крестьянского сопротивления в Саратовском Поволжье. В с. Камелик Пугачевского района крестьянин Слашев на заседании Сельсовета по хлебозаготовкам угрожал: «Я всю партейку поубиваю, жить стало нельзя, грабители зажиточных мужиков...». Активным хлебозаготовителям открыто угрожали: «убью», «подожгу» и т. п. Порой угрозы реализовывались: «во время возвращения с пристани в 10 часов вечера в председателя сельсовета уполномоченного по хлебозаготовкам и кандидата ВКП (б) Самойлова, был произведен выстрел из дробового ружья. В покушении подозреваются лица, о которых упоминалось выше»⁹.

Из архивных данных становится очевидно, что политика, проводившаяся властью, вызвала раскол в деревне, в свою очередь, спровоцировавший новый виток насилия между сторонниками и противниками такой политики и накалила обстановку до предела. В документах Пугачевского окружного комитета ВКП (б) о противодействии кулачества хлебозаготовкам упоминается следующее: «30 мая 1929 г. в с. Ново-Захаркино Петровского района кулак Чернов (церковный попечитель) на бедняка Кузковатова кинулся драться и бросил в него вилами, желая убить, но промахнулся. Мечь совершал за то, что на него беднотой наложили 250 пудов хлеба»¹⁰.

Постоянный поиск, обход дворов и обыски требовали официального регламентирования и правового основания применения административных мер. Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде» утвердило законодательную основу хлебозаготовительной политики¹¹. По ходу кампании термин «кулак» окончательно приобрел значения «классовый враг», «противник советской власти». Приведем характерный пример из АССР Немцев Поволжья. В с. Зельман Зельманского кантона кулак агитировал против расширения посевной площади: «Ведут разговоры о том, что крестьянам нужно увеличить посевную площадь, а как же увеличивать, ежели сразу тебя в кулаки зачислят. Не дают развернуться крестьянам, много не нужно сеять, это лучше будет»¹².

Советское законодательство на государственном уровне отменило частную собствен-

ность, включая и собственность на землю. Поэтому крестьянская земля не могла быть заложена или отчуждена¹³. В результате для успешного изъятия необходимого ресурса применялись административные меры (штрафы, бойкот, конфискация имущества и т. д.). Однако подобные мероприятия не всегда имели должный успех, поскольку местное руководство ставило крестьян в условия, которые заранее невозможно было выполнить. В докладе уполномоченного А. Я. Фомина в ходе проверки села Орлов Гай Ершовского района упоминается ряд хозяйств, к которым были применены административные меры воздействия, вплоть до пятикратного обложения подсобных хозяйств. В итоге автор письма приходит к выводу о том, что хлеб крестьянам взять негде «из-за отсутствия дождей, по последним оценкам, рожь в районе погибла на 80 %, а урожай пшеницы ниже среднего»¹⁴.

В конце 1920-х гг. отношение крестьян к власти трансформируется. С. С. Крюкова, изучая данный вопрос, приходит к выводу, согласно которому «акцент сместился в область защиты имущественного права и права эксплуатации земли в свою пользу, крестьянин стал вспоминать об отсутствии того гнета, который стали проявлять большевики»¹⁵. Не случайно по этому поводу происходит отождествление большевиков и помещиков. Как справедливо подчеркивает Е. А. Осокина, «при социализме в отсутствие частной собственности на средства производства ни земля, ни предприятия, ни другие средства производства не являются предметами купли-продажи. Главной фигурой выступает государство – держатель и распорядитель товарных фондов в стране»¹⁶. В данном контексте не удивительно, что многие крестьяне стали воспринимали раскулачивание как первую волну общего наступления на село.

Репрессивная политика часто сопровождалась закрытием культурных сооружений и конфискацией или разграблением церковных ценностей. Основным импульсом для развязывания массовой антирелигиозной кампании, выразившейся главным образом в грубом закрытии церковных храмов, мечетей и молельных домов, стали Циркулярное письмо ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г., Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Эти документы расширили административный нажим почти на все жизненные сферы крестьянства¹⁷.

От позиций региональных властей напрямую зависела реализация нового курса, а жалобы на перегибы направлялись от всех слоев населения¹⁸. Посланники «центра» и местные коммунисты часто вооружали «актив» и проводили принудительные собрания сельчан, на которых действовали не только угрозами. В архивных документах встречается немало фактов издевательского отношения представителей власти и

местных активистов по отношению к населению (оскорбления, угрозы, физическое насилие и др.), которые не могут не вызывать удивления, и лишний раз демонстрируют ненормальность работы региональных властей. Например, в с. Алешкино Вольского округа на общем собрании жителей села по поводу хлебосдачи местный председатель сельсовета грозил населению, что поставленные цели должны быть выполнены, иначе хлеб «с кровью выдавим»¹⁹.

Ярким примером, отражающим методы работы особоуполномоченных районных исполнительных комитетов (РИК), является случай, произошедший в с. Баклуши Аркадакского района. Из письма-жалобы жителя села С. Симанина: «12 июня прибыл в наше село товарищ Харитонов. Тут же собрал заседание сельсовета, на котором присутствовало 100 крестьян. Сделал доклад о хлебозаготовках. Вот некоторые выдержки из доклада: «Товарищи, с нами пушки, пулеметы, Красная армия... Если из злостных хлебозаготовителей (в данном случае Харитонов имел в виду крестьян, не выполнивших нормы сдачи зерна государству. – В. К.) кто не пустит нас в амбары, мы должны пристрелить его и пройти [через] его труп, но хлеб взять... Для нас пристрелить кулака ничто... Я объявляю, что въезд и выезд из села воспрещается, впредь до особого разрешения». Напуганные и разосланные в каждый двор члены сельсовета, несмотря на 12 часов ночи, двинулись в поход. Наводя ужас среди разбуженных сельчан, они стали требовать немедленной сдачи хлеба. Автор письма продолжает: «Утром, не обращая внимания на происходящий холодный дождь, товарищ Харитонов издал приказ вести хлеб, хотя дорога была невозможно плохая: холод, дождь, но все это не помогло, и им пришлось за 18 верст везти. Когда они ехали оттуда, много из них были пьяными от расстройств и измазаны в грязи, как углекопы»²⁰.

В ходе хлебозаготовительной кампании по-другому стимулировать крестьян добровольно сдавать хлеб по заниженным ценам было сложно. В итоге многие крестьянские хозяйства были вынуждены распродавать собственное имущество, чтобы выполнить установленные нормы. Впрочем, никто из сельчан не был застрахован от его конфискации, поэтому они выбирали из двух бед меньшую. Об этом свидетельствует фрагмент из докладной записки, направленной секретарю крайкома ВКП (б) Ф. Густу из Пугачевского округа: «Стрелков Илья Степанович: задание не выполняет, но обещает выполнить постепенно, по мере покупки хлеба. Домашние вещи и обстановку вывез, чтобы избавиться от продажи. Отчуждена корова и комод»²¹.

В условиях успешного отъема необходимого ресурса и твердого убеждения местного руководства, что «хлеб» в деревне есть, комиссия содействия коллективизации при Бюро крайкома

ВКП (б), опираясь на директивы центральных органов власти, 28 ноября 1929 г. постановила: «Объявить Нижне-Волжский край – краем сплошной коллективизации, о чем донести до сведения ЦК ВКП (б) и др. центральных организаций, установив твердое задание: коллективизировать к весне 1930 г. 80 % крестьянских дворов бедняцко-средняцких хозяйств к общему числу хоз-в края, доведя процент коллективизации к осени 1930 г. до 87 %»²².

Таким образом, варварская хлебозаготовительная кампания подготовила почву для начала сплошной принудительной коллективизации саратовских крестьян. Эта кампания вызвала у власти различных уровней уверенность в том, что любые проблемы в деревне можно решить административными методами, все зависит лишь от степени «нажима». Жестокость хлебозаготовок вводила состоятельных крестьян-земледельцев в замешательство и растерянность. Разрушая механизмы социального взаимодействия, аграрная политика власти, противопоставленная традиционному менталитету, не соответствовала ожиданиям крестьян. Постепенно, на фоне внедрения властью социалистических ценностей и символик, разрушающих устоявшиеся мировоззренческие стереотипы, стали исчезать такие качества крестьянина, как хозяйственность, самостоятельность, самодеятельность.

Использование отработанных жестких методов и ударных темпов социалистического строительства привели деревню к тяжелым экономическим и духовным последствиям. В процессе хлебозаготовительной кампании была выработана система административного принуждения. Активно-агрессивная политика государства в отношении крестьян, соединившая в себе черты социальной чистки, экономического давления, воздействие идеологической и культурной пропаганды, заложили фундамент перехода к «сплошной коллективизации».

Примечания

- 1 См.: Соколов А. К. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 65.
- 2 См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и

раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виолы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 111.

- 3 См.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 13.
- 4 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 111.
- 5 *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 247–248.
- 6 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 59. Л. 41.
- 7 См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 2 (1923–1929 гг.) / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : РОССПЭН, 2000. С. 842.
- 8 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 497.
- 9 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 97 Л. 26.
- 10 Там же. Д. 1. Л. 134.
- 11 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 822.
- 12 Там же. С. 598.
- 13 См.: *Кириллов И. А.* Очерки землеустройства за три года революции (1918–1920 гг.) М. : Редакционно-издательская комиссия Народного комиссариата земледелия, 1922. С. 114.
- 14 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 97. Л. 39.
- 15 *Крюкова С. С.* Крестьянские истории : Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : РОССПЭН, 2001. С. 9.
- 16 *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941 гг. М. : РОССПЭН, 1997. С. 2.
- 17 См.: *Яковлева Ж. В.* Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. С. 56.
- 18 См.: Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2002. С. 528.
- 19 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 97 Л. 28.
- 20 Там же. Л. 1.
- 21 Там же. Л. 2.
- 22 Там же. Л. 29.

Образец для цитирования:

Котельников В. А. Повседневная жизнь саратовской деревни в ходе хлебозаготовительной кампании 1929 гг.: накануне «Великого перелома» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 115–118. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-115-118>

Cite this article as:

Kotelnikov V. A. Daily Life During the Grain Campaign of 1929: on the Eve of the «Great Turning». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 115–118 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-115-118>